Река Лита, или воды очищения

Лиам Грин

Лиам Грин

Река Лита, или воды очищения

«Автор»
2026

Грин Л.

Река Лита, или воды очищения / Л. Грин — «Автор», 2026

Он просыпается в тюремной камере с пустотой вместо воспоминаний.
Ни имени, ни лица, ни прошлого. Только холод, сырость и лунный свет, пробивающийся сквозь крошечное отверстие.Полицейский участок Блэктёрн становится его временным убежищем. Здесь он встречает людей, готовых помочь: уставшего инспектора, который видел слишком много, и человека с идеальной памятью, который знает, каково это — носить в себе непосильный груз.Вместе они расследуют убийство графини, и чем глубже они копают, тем яснее становится: прошлое, которое он потерял, и убийство, которое они расследуют, — связаны неразрывно. Река Лита, у которой его нашли, хранит правду. И она готова её отдать.Но готов ли он встретить своё прошлое? Или у него были причины от того избавиться?

© Грин Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство 5
Глава 2. Пустая библиотека 7
Глава 3. Пёс, щенок и ворон 13
Глава 4. Исповедь с киноплёнки 17
Глава 5. У камина 20
Глава 6. Отголоски во сне 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Лиам Грин
Река Лита, или воды очищения

Глава 1. Знакомство

Воспоминания нашего героя совершенно загадочным и печальным образом берут своё начало в темноте, сырости и холоде каменной комнаты.

Он находился в тюремной камере.

Смотря на единственное маленькое отверстие, через которое тонкими струйками проникал лунный свет, он считал его своим единственным другом. Тьма вокруг сгущалась, а единственный источник света казался ближе и роднее всего прочего в мире.

- *Что же со мной случилось?* – вопрошал он у луны - *Можешь ли ты назвать моё имя? Наверняка ты со своих высот была свидетелем моих ночных скитаний. Так скажи мне, кто я?*

Возможно, луне было не посильно расслышать его из столь далёкой точки. Да и что для неё значила такая крупица, как человек? Наверняка она не видела ни обращённого к ней, ни кого бы то ни было другого. Однако и мне, и тебе, мой дорогой читатель, хорошо известно, что только глубочайший идиот будет всерьёз надеяться в данной ситуации на ответ. Наш герой идиотом не являлся. Но находился в сильном раздрае чувств, из-за которых его можно пожалеть и простить некоторые странности.

Порой забытая мелочь становится причиной долгого умственного зуда, а он же не помнил нечто гораздо большее – *абсолютное всё*: своё имя, происхождение, как раньше жил и что, собственно, со ним произошло.

- *Боже, да я даже не знаю, какая это страна!* - подобные мысли изводили нашего героя, едва ли не доводя до ранней седины. Хотя в тот момент он даже не мог знать о том, рано или поздно ему об этом беспокоиться. Свой возраст он также не помнил. Может, седина уже стала неотъемлемой частью его волос.

Именно эта мысль подвела его к черте эмоционального апогея, за которой находилось лишь безумие. Сокрушённый жестокой шуткой судьбы, он рухнул на кровать и сжал голову руками. Кровать, что не удивительно для такого места, была далека даже от самого скромного понятия комфорта. Он ушибся спиной о жёсткую деревянную основу даже через худоватый матрас. Последствия данного приземления дали о себе знать позже: рука то и дело ложилась на поясницу, утешительно её потирая.

Следующий пункт назначения -безумие, - казался не столь далёким. Настолько, что нашему герою пришлось экстренно собирать остатки сил и мужества, чтобы, как минимум, успокоиться. Как максимум ему предстояло хотя бы исследовать окружение, раз умственные потуги не принесли результатов.

Всё это время он оставался слеп к комнате, в которой находился. Удивительно устроен человеческий мозг, правда? Мы способны игнорировать всё физическое у нас перед глазами, стоит лишь мыслям увести нас в нижние слои нашего внутреннего, невидимого мира.

Внутренний мир нашего героя представлял собой разворованную библиотеку. Все стеллажи были пусты, а о когда-то их содержимом напоминала пыль, неестественно обрамляющая пустоту. Когда-то на том месте были выстроены в ряд тома хроник его жизни. Продвигаясь вглубь библиотеки, он панически проверял каждую полку, каждый уголок, где могло заваляться хоть что-то. Поиски оказались тщетными, и тогда пришлось силой воли обернуть свой взор на реальность. Но отсутствие раннего результата осталось зудеть глубоко под кожей.

Чтож. На этом я вынужден считать, что ваше знакомство, мой дорогой читатель, состоялось. В таком случае я перейду к основным событиям данной истории.

Глава 2. Пустая библиотека

Кое-как наш герой просидел до первых лучей солнца. Сон не мог подарить ему приятные мгновения забытия. Холод камеры неприятно сочетался с сыростью его одежды, а лёжа на злополучной кровати он ощущал каждую косточку своего тела.

Он желал поскорее пережить то, что с ним происходило. Он думал о доме, который у него, как и у всякого человека, наверняка был. В своих мыслях его там даже кто-то ждал и беспокоился. В такой момент одиночества хотелось верить, что где-то существовал тот, кто его хорошо знает и поможет заполнить образовавшиеся пробелы.

Овеянный сладкими мечтами и представлениями о собственном уголке в мире, на время его дух покинул тело, но астральное приключение не было долгим. Тело в очередной раз содрогнулось от холода, отрезвляющего и безукоризненно бодрящего. Или его вернуло в реальность что-то ещё?

Шаги. Ранее наш герой уже успел стать жертвой своего спутанного и воспалённого сознания, и со временем к любым новым звукам относился со скепсисом и недоверием. Свой разум он едва ли мог назвать союзником.

Но на этот раз он не ошибся. Постепенно звук шагов становился отчётливее, пока не замер возле его двери. Если это можно было списать на новый уровень галлюцинации, то звук ржавой задвижки безжалостно, но весьма реалистично, прорезал его слух, заставив поморщиться.

Но даже она не смогла сбавить его предвкушение встречи с первой живой душой на своём пути. Хотя в рознь этому чувству шло беспокойство, неприятно скручивающее внутренности и подталкивающее к другому краю кровати. На расстояние от входа он ощущал себя в большей безопасности.

Дверь, к возрасту которой, будь она человеком, наверняка относились бы с уважением и терпимостью, наконец поддалась. В коридоре освещение было ни тусклым, ни ярким. Глаза к нему привыкли быстро, поэтому вошедших удалось рассмотреть сразу.

Первым, кого увидел наш герой, стал молодой человек в полицейской форме. Оценивая его возраст, он предположил, что тот поступил на службу не так давно. Возможно, его неопытность с местными замками неосознанно подтвердила эти догадки. Он явно был смущён таким неожиданным конфузом: его щёки полыхали, а грудь вздымалась, как после тяжёлых упражнений. Но держался он с похвальной стойкостью, хотя старательно подчёркнутая серьёзность смотрелась даже немного комично.

Второго мужчину наш герой заметил не сразу. Ранее он слышал звук только одних шагов, а когда подоспел второй коллега он не заметил. Хотя он не сомневался, что тот пришёл на выручку младшему сослуживцу. Такое впечатление складывалось из их контраста рядом друг с другом.

А какой у вас напросился бы в данном случае вывод, увидь вы данных личностей вместе? Младший выражал больше участливости ко всей процедуре, старший же выглядел так, словно этот случай был десятым за день, а за годы его службы – сотым или тысячным. Первый мог спокойно годиться в сыновья мужчине, но тот оставлял впечатление холостяка со стажем. Для данной профессии, возможно, это являлось одним из основных пунктов.

- Вы находитесь в полицейском участке Блэктёрн. Констебль Торн, буду проводить ваш допрос. – отчеканил, как по учебнику, младший полицейский. - Не забывайте, что в этих стенах любая ложная информация *от вас* всегда оборачивается *против вас*. Надеюсь на ваше добровольное сотрудничество и помощь делу.

Резко официальный тон констебля, как тому показалось, произвёл на молодого человека перед ним необходимое впечатления. Любому, кто оказывался здесь, нельзя было давать побла-

жек до выяснения всех подробностей. Даже если человек был доставлен к ним при странных обстоятельствах. Каждый должен отвечать за свои деяния перед законом, а они – полицейские, должны добиваться правды и справедливости.

Наш герой же оказался напуган куда больше, чем того ожидал Торн. И страх был не связан с тем, что все его скелеты в шкафу всплыли наружу. Он боялся того, что сам о них не помнил. Только сейчас его посетила мысль, что он мог не просто заплутать, лишившись воспоминаний, а натворить что-то ужасное. Он мог оказаться маньяком, серийным убийцей, насильником…да даже роль простого карманника его не утешала.

Заведено ли на него уже дело? Был ли он прежде в розыске?

-Хочешь чай? – впервые подал голос мужчина.

Такой отвлечённый, никак не вяжущийся с тоном его напарника вопрос обескуражил нашего героя. Видимо, отразившееся на его лице изумление и замешательство заставили мужчину продолжить свою реплику.

– Стук зубов из коридора слышно.

- С задержанными не гоняют чаи! – вмешался молодой коллега.

- Что-то в протокол можно и не включать. – мужчина пожал плечами – Не волнуйтесь, констебль, я не лишу вас возможности заняться всем самому. Но кипятка парню плесну.

Мужчина удалился первым, игнорируя все проявления негодования и недовольства своего коллеги. Пыл Торна, однако, вскоре поутих, и его место заняла прежняя служебная серьёзность. Он, неотрывно следуя уставу, надел наручники на нашего героя, неосознанно подтвердив его опасения о своих деяниях, какими бы они ни были. Ведь на человека не надевают просто так наручники, верно? К такому выводу он и пришёл.

За пределами камеры оказалось ничуть не лучше. Такие же старые каменные стены, видавшие лучшие и худшие времена двери. Наверное, их всех объединяла пронзительная скрипучесть и проблемы с замками и задвижками. В некоторых камерах слышались шорохи, кашли, но остальное об их обитателях оставалось додумывать самостоятельно.

Здесь могли держать как участников уличной потасовки, так и серийного потрошителя. Наш герой продолжал гадать, к какой категории относится сам. Ни раз ему хотелось задать этот вопрос своему сопровождающему, но слова застревали в горле, едва он успевал собрать всю свою волю. Он боялся услышать правду и старался оттянуть момент её открытия. Вот на том повороте он всё же спросит. У лестницы – уж точно…нет, всё же, когда они по ней поднимутся. Так они могли ходить кругами по всему участку, а он так бы и не решился озвучить вопрос. А кто желает знать о своей причастности к чему-то, что будет терзать его душу до конца отведённых дней? Все мы живём в страхе перед гнётом совести.

Основной этаж, где располагались кабинеты, выглядел куда лучше «подвала» с камерами. Ремонт давнейший, уже утративший свою свежесть, но хотя бы своей освещённостью радующий глаз. Здесь было больше ламп и нормальные окна, вместо крохотных пародирующих отверстий.

Было раннее утро. Участок ещё не наполнили сотрудники. Где-то с другого конца раздавалось мерное постукивание клавиш печатной машинки. Большая часть кабинетов были закрыты, а один единственный среди них и являлся пунктом назначения для нашего героя.

Два стола располагались друг напротив друга, вдоль стен стояли стеллажи, набитые папками, документами и справочниками. Причём по одну сторону их содержимое было расставлено с бросающейся в глаза систематичностью и порядком, в то время как на другой половине творился «профессиональный бардак». Это было свойственно и столам: на одном можно было обвести каждый предмет, и даже через год ни один из тех не покинул бы своей разметки; на втором же обводка предметов напоминала бы каракули ребёнка.

Перед каждым из столов находилось по стулу, и нашему герою достался тот, что принадлежал к педантичной стороне.

- «Зона констебля.» - подумалось ему, и в подтверждение мыслей Торн как нельзя прекрасно вписался в это окружение, заняв своё место за столом. С общим фоном он сливался, подобно хамелеону.

- Всех нас ждут проблемы с сердцем к старости, помяни моё слово. – на пороге появился уже знакомый мужчина с чашками, над которыми тонкими язычками тянулся пар. Одна оказалась перед нашим героем, другая же перешла на соседний стол вместе с мужчиной, которого творящийся там беспорядок нисколько не смущал. – Чай я так и не нашёл, поэтому что есть – то есть. Пить можно, хоть сорт и дрянной.

- Могли бы и мне заварить, раз так щедритесь, инспектор. – с упрекающей усмешкой заметил Торн.

- А у вас устав. – по-прежнему ни одного попадания от юнца. Все стрелы мимо. - Да и молодым не положено.

- Знаете ли…

- Проводите допрос, констебль. – не поднимая взгляда прервал его инспектор. Его внимание больше привлекал кофе и раскрытая перед глазами серая папка с документами.

- Да, и правда… - без какой-либо обиды, прочистив горло, Торн переключился на рабочий лад. – Я слушаю вашу версию событий. Ещё раз напоминаю о том, что вам же выгоднее говорить исключительно правду.

Ответ не последовал. Его не существовало вовсе, по крайней мере наш герой и сам о нём не знал. Он смотрел на тянущийся от кипятка пар, стараясь как можно реже вдыхать аромат кофе. Он знал, что рискует вывернуться наружу от одного только запаха, а малейшая капля на языке стала бы для него началом конца.

- Если вы пытаетесь придумать альтернативную версию, нам это…

- Я не помню.

- Послушайте. Нам это всё равно станет известно. Поэтому расскажите…

- *Я не помню!* – крик отскочил от стен, врезавшись в уши каждого в этом кабинете. Крик отчаяния, готовый вот-вот перерасти в истерику. - *Ничего…совсем ничего, понимаете?!*

Теперь молчал констебль. Стихло и шуршание страниц по другую сторону. Две пары глаз были обращены на одного человека, одни – ошарашенные, вторые – внимательные, вдумчивые.

- Наверное, стоило начать с вашего имени… - продолжил после долгой паузы констебль. Теперь его голос звучал неуверенно, даже гордо расправленные плечи опустились. он старательно подбирал слова, чтобы его не оборвали снова. – Пожалуйста, назовитесь, это необходимо для…

- Да господи! *Я не знаю!* – истерика всё приближалась. Подавляемая волна прежних эмоций напомнила о себе, возвращаясь теперь полноценным цунами. Каждая фраза Торна наносила удар за другим. Его не хотелось слушать, а чашка рядом лишь подначивала раздражение.

- Хорошо, не помнишь так не помнишь. – мужской голос раздался совсем близко.

Инспектор всё же нарушил обещание, вклинившись в допрос. Констебль, однако, ничего против теперь не имел. Ему этого хватило, чтобы растерять старательно профессиональный тон. Впервые он смотрел на подошедшего мужчину с нескрываемой благодарностью и облегчением во взгляде.

- Что здесь хорошего? – теперь претензии закрались в тон нашего героя от констебля перешли на инспектора. Его бесила собственная беспомощность, становившаяся всё более очевидной с каждой встречной фразой.

- Ничего. Но теперь мы вынуждены расхлёбывать одну и ту же проблему, так?

Мужчина единственный сохранял спокойствие, передающееся не только его коллеге, но и нашему герою. Его возвышающаяся фигура вселяла небольшую уверенность, возвращала по крупицам ускользнувшую надежду. Он звучал вразумительно, подобно голосу из глубин сознания, обрётшему плоть.

Не сразу, но ему удалось сгладить масштаб бури. Дыхание нашего героя выравнялось, глаза жгли не подступающие слёзы, а бессонная ночь. На смену всему пришла необъятная усталость, временно одолевшая даже чувство тревоги. Мужчина дал ему время на то, чтобы остудить мысли.

- Мне ничего неизвестно. Ни своего имени, ни лица… я ничем не могу помочь ни себе, ни вам.

- Мы можем поделиться тем, что нам известно. Но это совершенно ничего, по сравнению… - констебль постепенно возвращался к участию в разговоре, смотря на человека перед собой с искренним сочувствием, - с вашей потерей.

- Но это может растолкать твою память. – кивнул инспектор, складывая руки на груди.

Только сейчас, в хорошем освящение наш герой заметил длинный шрам, тянущийся из-под закатанного рукава рубашки. Белёсый, уже приживавшийся на теле. С привычкой к нему относился и мужчина, поймавший на себе взгляд, но никак не отреагировавший.

- Я сюда попал за что-то конкретное? – вопрос прозвучал сдавленно, едва слышно. Снова сковал страх перед лицом правды, но бежать от неё было некуда. Напротив, наш герой к ней стремился. И если она ему не понравится… то пусть так оно и будет. Зато у него будет хоть что-то о себе.

- Тебе знакома река Лита? –

- Нет.

- Ни разу вдоль неё не прогуливался? – такие вопросы, по мнению мужчины, могли вызвать в памяти отголоски образов.

- Ничего не приходит в голову. – теперь каждый ответ давался нашему герою с неловкостью. Своя безнадёжность его очень стыдила.

- Хорошо. – инспектор кивнул, обратив после свой взгляд на окно. – Эта река протекает город насквозь, её можно увидеть со множества точек.

Проследив за взглядом мужчины, наш герой, прищурившись, увидел между домов залитую утренним солнцем водную гладь. Вдоль неё, по тротуарам с обеих сторон, шли на расстояние друг от друга люди. Мамы с детьми (или няни), мужчины с портфелями, некоторые с тростью, прогуливающиеся в менее спешном темпе. Город постепенно пробуждался, и наш герой видел лишь скромный его клочок.

За это время Торн достал со стеллажа запрятанную между справочников карту. Когда они продолжили беседу, он уже развернул необходимый участок, разместив его на середине стола.

- Мы находимся чуть ниже середины реки. – объяснение он сопровождал кончиком карандаша. - Выше, в тройке кварталов, находится тёмный мост. Его так называют из-за нашей улицы.

- А ещё там каждый второй день ломаются фонари. – хмыкнул мужчина, добавив с хрипотцой в голосе, свойственной уставшему человеку. – И творится чёрт пойми что.

Острый кончик грифеля ткнул в точку, подписанную как как «мост Блэктёрн». После он спустился ниже, но на том участке никаких обозначений уже не было.

- Вас нашли здесь. – пояснил констебль. – Вы лежали на берегу, промокший насквозь. Мы предполагаем, что вы проделали этот путь от моста.

- Либо самостоятельно, либо с чьей-то помощью.

По телу нашего героя пробежалась дрожь. Он сидел в одежде, до сих пор сохранившей влагу той реки.

- С чьей-помощью? Как это? – его взгляд метался от одного полицейского к другому.

- Этот мост проклят. – развёл руками мужчина. – Не дьяволом, а людьми. Хотя одно от другого не отличается.

- Четверть, а то и треть всех дел, когда-либо заведённых в нашем участке, относятся к этому месту. – устало дополнил Торн. Этот тон не соответствовал его молодому лицу и статусу новичка. – Даже за свой недолгий срок службы я застал почти десяток происшествий на мосту.

- Для газетчиков он – золотая жила. Хотя, готов покляться, уже каждый второй пропускает колонку, связанную с ним.

- А как я могу быть с ним связан? – воображение нашего героя нарисовало все сцены, когда-либо происходящие на злополучном мосту. И только несколько могли подойти к его истории. – Меня могли с него столкнуть? Но с какой целью? Личные счёты, ограбление?

- Мы склонялись ко второму. - кивнул констебль. – У вас не было при себе ничего из личных вещей.

- Либо посторонняя помощь не требовалось.

Версия мужчины вогнала нашего героя в большую задумчивость, чем первая. Нападение – простая ситуация, в которой мотивы другого человека не вызывали столь сильное беспокойство. А вот свои мотивы, в особенности – их неизвестность, изводили душу. Мог ли он осознано желать навредить себе? От чего он хотел таким образом убежать? Что в его жизни могло привести к подобным мыслям и исходу? А было ли на самом деле всё именно так? В правильном направление ли он идёт? Те ли вопросы себе задаёт?

Мужчина видел, как наш герой ушёл в себя. Как постепенно зарывается глубже, пытаясь отыскать хоть что-то. И он ему не препятствовал. Дал время подумать, но не настолько, чтобы это переросло в препарирование собственной души. Он поднял руку, когда Торн собирался что-то сказать. А тому было достаточно простого жеста коллеги, чтобы правильно его истолковать. Он присоединился к молчанию, но сидеть без дела было выше его сил. Поэтому это время он занял уборкой карты и приготовлением всего нужного к дальнейшему рабочему дню.

Через несколько минут мужчина выдернул нашего героя из мыслей:

- Что? – сказанное послышалось бессвязным набором звуков, столь далёким, что он не сразу понял, что обращаются к нему.

- Тебе есть, куда идти? – без раздражения повторил мужчина.

- Нет… думаю, нет. – этот вопрос волновал ничуть не меньше остальных. Обратно в камеру не хотелось, да и как дело разрешиться – до сих пор не было ясно.

- У собак в приюте и то лучшие условия, чем здесь. Но мы и не приют.

Чтож, хорошая новость – холодная камера ему не светит. Плохая новость – его ждёт холодная улица.

- Я попробую найти временный ночлег. До тех пор, пока не вернутся воспоминания.

- Хорошая идея. – кивнул мужчина. – Для того, у кого есть хотя бы монета в кармане.

Последняя фраза как по голове огрела. Но была резонной, пусть и сказанной в лоб.

- Тогда…

- Слушай. – затягивать с поисками альтернатив мужчина не собирался. – Отсутствие денег в твоём случае – пол беды. Даже если бы они у тебя были, ты бы не смог найти ни ближайшую забегаловку, ни ночлежку.

Он не старался смягчить правду и это на удивление было лучше, чем её преуменьшение. Так положение дел прорисовывалось с большей чёткостью, словно туманный взор нашего героя прорезался через линзы очков.

- И твоё дело закрывать ещё рано. – немного выждав, продолжил инспектор. – Мы его доведём до конца, но от твоего постоянного присутствия здесь ничего не прояснится. Тебе нужно как следует отдохнуть, прежде чем продолжать штурмовать свою память.

Да, он и правда был чудовищно измотан. Мышцы болели, глаза грозили вытечь с минуты на минуту. Одежда по-прежнему неприятно липла к телу. Его желудок сворачивался от голода, но желаннее всего оставался сон – точнее дарованное им забвение.

На этом заключение мужчины подошло к концу. Словно поставив точку, он допил глотком кофе и оттолкнулся от стола, направляясь с пустой чашкой за дверь кабинета. За её порогом он остановился и обернулся.

- Тебе нравится сидеть в сыром? Нет – пошли искать сменную одежду.

Глава 3. Пёс, щенок и ворон

Инспектора звали Алистер Грейвз. Он представился, пока искал сменную одежду. Тогда же он предложил ему временно пожить у него. «Временно» не было произнесено устами Грейвза, это была мысленная корректировка нашего героя. Он не хотел надолго зависать на чьей-то шее, а также вознамерился наверстать утерянные воспоминания в ближайшее время. Постепенно пробелы стали вызывать не страх и отчаяние, а раздражение.

В одном из кабинетов участка, который без договорённости со временем стал считаться кладовкой, сваливались все ненужные вещи. «Участковая барахолка» - такое определение дал этой комнате Грейвз, и был как нельзя точен. Её никогда не разбирали, а вещи медленно, но верно заполняли всё свободное пространство. Их оставляли здесь с мыслью об отложенном решение их судьбы. А попав сюда они забывались навсегда. Даже мужчина, окидывая взглядом скопившееся, удивлялся находкам: оружие, которым перестали пользовались задолго до его поступления на службу; маскарадные костюмы, возрастом лишь немного уступавшие оружию (работа под прикрытием или дело об убийце в *маске красной смерти*?). Старые чашки с коричневым обрамлением внутри после кофе, много ненужной мебели, наставленной друг на друга. Кресла со сломанными ножками или подлокотниками. Где-то в конце даже стояло нечто похожее на зеркало, завешанное тканью с дополнительным слоем пыли.

Этот список мог бы продолжиться, если бы Грейвз не нашёл какой-то старый комплект мужской одежды и не всучил его в руки нашему герою, выводя из этой хламовни.

От рубашки и брюк пахло старостью, ткань была грубой и пыльной. И всё же это было лучше сырой и холодной одежды. Узнав, где находится уборная, наш герой решил воспользоваться той для переодевания. Ему повезло, и та оказалась не слишком тесной, а также имела раковину с висящем над ней зеркалом.

Это была первая поверхность, где наш герой впервые увидел собственное лицо. Острые скулы, осунувшиеся щёки, всклокоченные тёмные волосы, спадающие кончиками прядей на лоб при наклоне головы, круги под глазами, словно растёкшийся оттенок глаз. На вид он дал себе лет 30. Юношеские черты давно обрели грубость, но он не выглядел ровесником Грейвза, переступившего четвёртый десяток.

Рассматривать столь же пристально своё тело он не планировал, но находка всплыла сама собой, как только стоило ему спустить рукава. Ближе к сгибу внутреннюю сторону его рук покрывали тонкие полосы шрамов, словно от ударов прутьями. Причём не случайных, а методичных, копившихся не одно время. Десяток полос наслаивался друг на друга, выстраивая градацию от белёсых до едва прошедшей красноты.

Неуверенно он провёл по ним подушечками пальцев. На мгновение рука дрогнула, а тело сковало предчувствие боли. Но её не последовало. Даже относительно свежие шрамы успели достаточно зажить, но менее осторожнее с ними обращаться наш герой не стал. Когда он надел рубашку, а полосы скрылись под её рукавами, его тело продолжала бить дрожь. Но на теперь холод не был её причиной.

Он сам себе их оставил? *Зачем*? А если кто-то другой, то *кто* и *за что*?

Это стало первой зацепкой, о которой наш герой решил промолчать. Если его задумчивость и не укрылась от Грейвза, то тот предпочёл повременить с расспросами. Торн уже занялся другими делами, разбирая те, что были ему под силам. Молодой запал желал дотянуться до всего, до чего только мог. И брал он на себя всё, что мог взять, даже когда список того ощутимо превышал отведённые ему обязанности.

Мужчина же вернулся к изучению того, на чём остановился. И за время работы его стол не пополнился ни одним документом больше, в отличие от его коллеги, у которого одна стопка бумаг ближе к вечеру переросла почти в две.

У нашего героя была возможность подсмотреть за жизнью полицейского участка изнутри. Точнее одного кабинета в этом участке, и всего с парой людей. Он занял укромное место в углу кабинета, не нарушая свои присутствием рабочий процесс. Он часто проваливался в дремоту, опираясь головой о стену или, порой, клюя носом, почти свалившись пару раз со стула.

В минуты бодрствования, чтобы не смущать подсматриванием ни Торна, ни Грейвза, он наблюдал за жизнью за окном. Проходящим в далеке было всё равно на далёкого наблюдателя. Порой люди задумываются во время прогулки о том, что могут находиться под чьим-то взором, но через несколько шагов эта мысль растворяется без следа.

- У тебя плохое зрение?

- Что?

Впервые за последние несколько часов тишину кабинета нарушил голос. Наш герой перевёл взгляд от окна на мужчину, не уверенный, что его слова предназначаются ему.

- Ты щуришься. И не в первый раз. – Грейвз смотрел и правда на него, подпирая кулаком щетинистую щёку.

- Видимо, так. – вроде эта особенность была очевидной, но признавать её оказалось неловко.

Всё это время не отрываясь от заполнения документов, Торн откинулся на спинку стула. Его волосы были редкого пшеничного цвета, не обделённые густотой, красиво смотрящейся с той длиной, когда слегка волнистые пряди скрывали под собой кончики ушей, а чёлка едва спадала на брови. С такой внешностью его ждала карьера актёра. Возможно, над ним из-за этого не редко подшучивали другие сослуживцы, но он упорно продолжал добиваться успехов на службе.

- Сколько пальцев? – он выставил перед собой ладонь.

- У меня не настолько плохое зрение. – с упрёком отозвался наш герой, но кончики его губ приподнялись.

- А насколько тогда? – в ответ парень не смутился, а склонил голову на бок, проявляя любопытство. Без напущенной рабочей серьёзности его голос звучал даже дружелюбно.

- Если встанете под окном, я вас узнаю только по светлому пятну макушки.

- Хотя бы узнаете. – смешок был направлен уже в адрес Грейвза. Тёмно-коричневые макушки и правда были для нашего героя идентичными пятнами. Возможно, мужчина был бы большим пятном, по сравнению с остальными, но он бы его всё равно не узнал.

- Это успокаивает. – для своей должности инспектор не был обидчив на шутки и часто сам язвил. Парень ощущал себя рядом с ним более чем свободно, невзирая на разницу в возрасте и должностях.

- Вообще я к тому, - продолжил Грейвз, - что вам не помешали бы очки.

- Но их при вас не было. – уловил мысль констебль. Задумался, а после покачал головой. – Мы и не могли их найти. Либо они потерялись во время нападения, либо их унесло течением.

- Верно. Но сейчас даже бесполезные зацепки – лучше, чем ничего.

Торн взял отложенный на край стола документ, сразу дополнив его содержимое новыми, немногочисленными деталями.

- Это всё? – уточнил он, не отрываясь от написания.

- Пока что да. – соврал наш герой. Точнее недоговорил. Мужчина не отрывал от него взгляд. Молчаливо, он смотрел дольше нужного, пока не вернулся к своим делам.Облегчение после этого наш герой не ощутил. Грейвз ему не поверил.

***

Конец рабочего дня наступил с заходом солнца. Постепенно стихли звуки за дверью кабинета, в последний раз захлопнулась дверь и воцарилась тишина. Лишь дежурный полицейский в одном из соседних кабинетах время от времени выходил обновить кофе и посозерцать вид из другого окна.

Торн остался доделывать оставшуюся работу. Грейвз же его стремления засиживаться допоздна не разделял. Когда стрелка часов подступила к девяти, он поднялся, сунул папку под мышку и направился к выходу. Проходя мимо соседнего стола, он по-отечески потрепал светлую макушку молодого коллеги. Его большая ладонь одним движением смела укладку, что вызвало недовольство Торна, зато губы мужчины впервые растянулись в подобие мимолётной улыбке.

Наш герой покинул участок вместе с ним. И если бы ему не предстоял первый выход во внешний мир, он уделил бы больше внимание отношениям, связывающих двух полицейских. Пока лишь можно ограничиться определением наставнических, но этот термин не в силах передать в полной мере невидимую силу, что связывала такого старого волка, как Грейвз, и ещё юного, наивного щенка, как Торн.

Выход на улицу был волнительным. До того момента наш герой не осознавал, какое спокойствие дарили окружающие стены. Пусть они и являлись стенами полицейского участка.

Из них можно было без опасений смотреть на внешний мир и гадать, что и кто его наполняет. Но оказаться самому в окружение необъятной неизвестности было равносильно выходу в открытый океан. Как в бескрайних водах таились неизведанные существа, несущие угрозу или просто существующие. Так и простая улица для нашего героя была источником сотни тайн, а каждый поворот скрывал за собой надвигающуюся опасность.

С выходом на улицу к нему вновь вернулась нервозность. Он оглядывался на каждый шорох, в неосвещённых участках улицы ожидал увидеть тёмную фигуру, которая обязательно наброситься. Лай собак бросал словно пускал разряды по всему телу. Даже услышав в тот вдалеке он дёргался, ощущая, как сердце тут же ухает вниз, и ускорял шаг, не желая далеко отходить от Грейвза.

Мужчина был его надёжным проводником, рядом с которым постепенно наш герой обрёл прежнее спокойствие. Волна паники постепенно шла на спад, а стоило ей достаточно ослабеть – её остатки он поборол уже осознанно. Сейчас ему не следовало поджимать хвост и прятаться под первую попавшуюся на пути лавку. Он должен наоборот устремлять свой взор не только вперёд себя, но и вокруг. И какой-нибудь из встречных образов обязательно окажется ему знакомым. Так нити воспоминаний постепенно соберутся в прежний клубок. Или, найдя одну страницу из книги, он найдёт и саму книгу, потом другие, пока не вернёт свою внутреннюю библиотеку в её изначальный вид.

Грейвз жил в противоположном направление от моста. Идя вдоль домов, наш герой несколько раз останавливался, чтобы обернуться на него. Пока мост являлся для него единственным ключом, за который можно зацепиться. В том месте что-то с ним произошло, и он желал заглянуть за занавес этих событий. Ему было необходимо туда сходить, но в памяти всплывала дурная слава моста.

Словно в подтверждение фонарь – маяк и единственный борец с призраками моста, несколько раз моргнул, потух на время, а после неуверенно, из последних сил зажёгся вновь. Ночью туда идти всё же не стоило. Наш герой не боялся призраков. Он боялся их не рассмотреть.

Вскоре прямая дорога вдоль закрытых магазинов и свёрнутых торговых лавочек, где днём проходило сотни людей, сменилась лабиринтом дворов. В каких-то окнах ещё горел свет, но большая их часть погрузилась в ночную безмятежность вместе со своими обитателями. Их дорога не заняла дольше пятнадцати-двадцати минут, при том, что шли они достаточно неспешно. И всё же дом Грейвза находился не без труда, пусть и относительно близлежал к участку.

- Разве не опасно жить так близко к работе? Именно в вашем случае. У полицейских со стажем наверняка скапливается много врагов.

- Разве таких остановит расстояние? – мужчина почти докурил сигарету, растягивая её с середины пути. – А я уже в том возрасте, когда не хочется утруждать себя ещё и дорогой.

- Но вы не старый.

- Я и не называл себя стариком. Переезжать и жить через дорогу от участка пока не собираюсь.

За время короткого разговора наш герой понял одно – пусть Грейвз и знал о недосказанности, то никак на это не намекал и не давил. Его немногословность и желание молчать обуславливались скопившейся усталостью к концу рабочего дня. А ещё ношей, которую было невозможно увидеть, но она улавливалась в его тоне, взгляде, иногда в движениях. За его опытом службы крылось достаточно моментов, разочаровавших или даже убивших в нём веру в определённые вещи. Но в то же время что-то его продолжало удерживать на этом месте. Вера в свои убеждение? Желание их доказать? Он не выглядел как человек, подчинившийся системе. Но он с ней смирился и научился в ней существовать, сохранив свои внутренние устои.

Возможно, со временем нашему герою мужчина раскроется лучше. Но на первый день с него наблюдений было достаточно. Ему было необходимо всё переварить и спланировать свои следующие действия. А ещё он не отказался бы от ужина. Но только, если тот предложит мужчина.

Его дом не отличался от остальных на этой улице. Двухэтажный, выложенный из бурого кирпича, со временем словно покрывшимся слоем уличной пыли. Его небольшой двор формировал забор из тонких металлических прутьев. Дом был довольно старым, но площадью даже больше, чем требовалось Грейвзу. Может, он перешёл ему по наследству? Или у него всё же есть семья, в чём наш герой продолжал сомневаться. Пусть мужчина и был в том возрасте, когда его ребёнок мог завести собственный брак, о наличие семьи в нём ничего не свидетельствовало. Ни кольца, ни привычек, свойственных семейному человеку. Наоборот, в нём всё кричало о том, что одиночество стало его верным спутником. А волновало это мужчину или он с этим сжился – оставалось неизвестно.

На удивление, дом встретил их теплом. И светом. Может, Грейвз держал прислугу? Нет, это совсем не вязалось с его портретом. Хотя он мог обойтись одной экономкой…всё же нет. Все жесты и привычки свидетельствовали о самостоятельности мужчины. Это были жесты хозяина, ухаживающего за своим гостем и самим домом: полы не мылись как минимум неделю, пыль на поверхности некоторых вещей имела такую же давность. Грейвз сам шарился в шкафу в прихожей, ища гостю сменную обувь. Наш герой не сомневался, что каждая вещь лежала на том месте, на которое её положил именно мужчина. У расположения вещей было нечто схожее с его половиной рабочего кабинета.

Сам того не желая, наш герой перебирал один вариант за другим, ища более убедительный, подходящий составленному портрету мужчины. Поток мыслей мог унести его сознание дальше по течению, если бы тишину дома не нарушил неясный, приближающийся звук. Обернувшись, он увидел то, чем являлся неопознанный ранее звук. Это был шелест крыльев, который так неожиданно было услышать внутри дома. Как и увидеть ворона, хозяйственно восседающего на перилах лестницы. Следующим тишину нарушили шаги в глубине дома.

Глава 4. Исповедь с киноплёнки

Только приоткрыл я ставни — вышел
Ворон стародавний,
Шумно оправляя траур оперенья
своего;
Без поклона, важно, гордо,
выступил он чинно, твердо;
С видом леди или лорда у порога
моего,
Над дверьми на бюст Паллады у
порога моего
Сел — и
больше ничего.
Ворон - Эдгар Аллан По (пер. М. Зенкевича)

Зал был самой просторной комнатой в доме и вмещал в себе всё, что только можно было здесь разместить. Возле растопленного камина, проливающего тёплый, пляшущий свет на дальнюю часть комнаты, стояли два кресла. Одно из них было повёрнуто спинкой к огню, другое – передом. Примерно в центре комнаты стоял деревянный столик, заваленный стопками писем, башней из книг и газет, немытыми чашками. Напротив, стоял диван, продавившийся из-за времени с двух сторон. Комнату наполняли запахи пыли, кофе и бумаги. Но это даже подчёркивало здешний уют.

- Ни имени, ни прошлого. – подвёл итог сидящий в кресле. - Интересный вы человек.

Им был парень, старше констебля Торна, но ещё не лишившийся окончательно юношеских черт. Он был менее худощав, чем наш герой, но ростом почти ровнялся с Грейвзом. В какой-то мере их можно было принять за отца и сына. Только черты молодого человека были не такими грубыми, а более аристократскими. Что-то в его жестах тоже указывало на данную принадлежность: он часто поправлял одежду, всегда держал спину прямо, даже когда его поза была вальяжной. Но даже в таком окружение он выглядел естественно, пусть и не был в нём рождён. Возможно, до каких-то пор даже в него не спускался с прирождённых высот.

Эдмон Аллан – так звали молодого человека, по совместительству владельца ворона. Это становилось очевидным и по привычке птицы находиться подле хозяина, и по идентичной ленте, повязанной на её шее в «джентельменский бант», а у него в волосах – удерживая длинные пряди в хвосте. Ворон оказался рад возвращению Грейвза – именно его он и встречал, сидя на периле лестницы. А вот наш герой вызвал в нём настороженный интерес. Только к нему за этот вечер он не подлетел, иногда улетая смотреть за деятельностью мужчины на кухне, но чаще мирно сидя на плече хозяина, играясь клювом с его волосами.

- Скорее не интересный, а безнадёжный. – новое окружение вызывало у нашего героя больший интерес, чем вплывающие на поверхность уже пройденные вопросы.

- Временно безнадёжный. - с вежливой улыбкой поправил Эдмон. – Если только вы не продолжите круглыми сутками оплакивать самого себя.

- Я не оплакиваю.

- Поэтому ваша безнадёжность временная.

К моменту, когда наш герой закончил пересказ своей короткой истории, начавшейся лишь с прошлой ночи, Грейвз принёс ужин – разогретое рагу. Только сейчас, сидя с ароматной тарелкой перед носом, голод ощутился как никогда отчётливо. Наш герой расправился с двойной порцией ужина чуть быстрее Грейвза и Эдмона, неспеша растягивающих обычную. Дольше всех ел ворон – ему достался добротный кусок сырого мяса.

- У вас наверняка есть вопросы. –Эдмон заметил на себе изучающий взгляд. – Но для начала нам необходимо решить общую проблему.

- У нас и такая присутствует? – мужчину утомляло само слово «проблема» и это отчётливо слышалось в его голосе.

- Да. – кивнул парень. – Имя нашего потеряшки.

- *Потеряшки?*

- А как это волнует нас? – недоумение нашего героя осталось незамеченным. Грейвз и Эдмон словно вели светскую беседу.

- Алистер. – тон молодого человека стал сладостно мягким, ласкающим слух. – Вот к тебе столько обращений можно использовать! Хоть каждый раз по-новому называй. А вот человеку даже одно прозвище неоткуда придумать.

- И всё же ты его придумал.

- Одно, и то не пришедшееся по вкусу. – всё-таки короткая вспышка эмоций нашего героя без внимания не осталась.

Наблюдение со стороны за разговором, в котором он же и являлся главным объектом обсуждения, вызывало странное чувство. Поэтому он поспешил стать его участником:

- Но нам негде узнать моё имя. Я не вспомнил даже его примерное звучание.

- Значит, мы сами его придумаем. – судя по улыбке Эдмону своя идея нравилась.

- Это тебе не ворону кличку придумать. – Грейвз остался к той равнодушен.

- Разницы не вижу. Ты его подобрал, как бродячего щенка, которого пытались утопить.

Молодой человек откинулся на спинку кресла, подставив руку закончившему трапезу ворону. Тот обхватил лапами его пальцы и благодарно потёрся клювом о рукав. Его задумчивый взгляд с птицы вернулся к нашему герою. Несколько секунд они провели в молчание.

- Дэвид. – наконец изрёк он, улыбнувшись. – Мне кажется, вам подходит.

- Дэвид. – повторил наш герой, пробуя имя на вкус. Прислушивался к нему, к своим ощущением.

Оно в нём не откликнулось – не напомнило ему забытое имя. Но, может, то сейчас и не было так важно? У него есть хотя бы оно. Теперь его личность обрела временную оболочку.

– Хорошо. Пока буду Дэвидом.

***

Их встреча состоялась около пяти лет назад. Грейвз помнил это, поскольку в то время ему дали звание инспектора. Вспоминая тот день, он сказал, что Эдмон стал первым потерянным щенком, которого он приютил. Но, в отличие от Дэвида, он был «породистым».

- Никогда не видел аристократского отпрыска, которому жизнь была настолько невмоготу. – мужчина говорил с усмешкой, но веселья в ней было мало.

Эдмон тогда являл собой человека потерянного ничуть не меньше Дэвида, но его проклятие крылось совершенно в противоположном. Он помнил абсолютно всё.

Его память простиралась точной чередой, похожей на киноплёнку. Она никогда не обрывалась, а её кадры никогда не тускнели. Он мог вернуться к любому из них рассмотреть каждую деталь того, что запечатлено.

- Я знал Алистера ещё до того, как он представился. В газете печатали заметку об относительно громком на тот момент деле. Он его не вёл, но все участники дела так или иначе упоминались. На момент нашей встречи этой публикации было десять лет.

Этот дар сопровождал Эдмона с самого детства. Он рос в семье далеко не с последним положением в обществе, и носители её крови вызывали уважение у окружающих. Его семья не была обделена талантами, но достигла успехов в более понятных областях: в науке и политике. Но всё это являлось заслугой его старших братьев, на фоне которых младший являлся белой вороной.

- Я помню всё едва ли не с пелёнок. В нашем доме всегда что-то происходило. Или так казалось только мне. Я всегда замечал перешёптывание слуг, знал о ссорах родителей или братьев. До сих пор помню, какие уловки они использовали, чтобы от нас отделаться. Родители любили давать обещания, о которых вскоре забывали. Братья о них тоже не помнят, так что, можно сказать, все в выигрыше.

- Кроме тебя. – Дэвид держал чашку уже остывшего чая.

- Увы. Благодаря этому я видел картину нашей семьи яснее остальных. До каких-то пор меня пугало, что другие не видят того же.

Слуги его сторонились, некоторые относились со снисхождением. Старшие братья использовали как посредника в спорах, ведь он мог в точности воспроизвести даже самый давний их разговор. Но играть они его почти никогда не звали, игры его дар отравлял и делал скучными. Эдмон помнил все свои прозвища и обзывательства, некоторые из которых стали его клеймом даже в осознанном возрасте.

- Меня отправили учиться в тот же колледж, где учился наш отец, а после него – мои братья. Они выпустились друг за другом в первые годы моей учёбы. Мы пересеклись лишь пару раз за всё это время, а потом наша связь оборвалась. С родителями тоже, но ещё раньше - с момента моего отъезда. Они были ему рады. Я решил не усложнять им жизнь своими визитами, даже после учёбы.

Так он выбрал нести бремя своего дара в одиночку. Но как с тем справляться, однако, представления не было. У Эдмона были скопленные за время учёбы средства, которых хватало на то, чтобы снимать номер в какой-нибудь гостинице в городе. Так же он не голодал, но к чрезмерной расточительности запасы не располагали. Он не знал, куда денет себя в будущем, когда они совсем иссякнут. Но больше его волновало – куда и как он денется от самого себя.

Лица вокруг он всегда узнавал, даже если ни разу не говорил с этими людьми. Его ум почти никогда не отдыхал, перед ним всегда всплывали знакомые образы, иногда в точности, повторяющие друг друга. В какой-то момент он понял, что вес ноши слишком велик и непосилен для него.

Тогда-то он и встретил мужчину. Эдмон упомянул своё бесцельно брождение по городу. Он не хотел идти в гостиницу, а о возвращение домой и вовсе не задумывался. Он ничего не ждал и, возможно, хотел попросту измотать своё тело. Грейвз встретил его, когда он уже еле волочил ноги. По иронии судьбы произошло это вблизи реки Литы – из вод которой не так давно взяла своё начало история нашего героя.

- Он выглядел как тот, кто мог по дурости в неё нырнуть. А попасть в поток в середине реки – билет в один конец, даже если ты научился плавать раньше, чем говорить.

Эдмон тогда о таком варианте не думал. По-крайней мере, так было с его слов. И всё же Грейвз пройти мимо не смог, и уже тем же вечером они сидели в этой комнате и делили ужин. Тогда мужчина услышал историю юноши и стал первым, чьё отношение к нему никак не измелилось. В его взгляде не было снисходительной жалости, не было и призрения или насмешки.

- Дар это или проклятие — неважно. Это просто твоя особенность. Найди ей применение. Помнишь всё? Хорошо. Запоминай то, что тебе помогает. Или тем, кому ты хочешь помочь.

Эти слова не смогли исцелить Эдмона в ту же секунду, но сменили его фокус и восприятие на последующие годы. Сейчас он сидел и рассказывал эту историю с улыбкой, с которой обычно рассматривают старые фотоальбомы. Встреча с Грейвзом не дала оборваться его фотоплёнке. Она помогла её сохранить, но формировать кадры в другой перспективе, а возможность рассматривать их наделила целью.

Глава 5. У камина

Может, его ситуация не была ужасной настолько, как казалось всё это время?

Теперь она предстала под другим углом, с позиции Эдмона. Тот в своё время желал подобного очищения. Ему хотелось выкинуть из головы всё, что в ней складировалось с раннего юношества. А Дэвид предстал перед ним как чистый лист, на который только предстояло занести его новую хронику. Пустая страница всегда пугает, но в то же время можно позавидовать её непорочности. И Эдмон завидовал, пусть и не так явно. Это чувство не отвращало его от нового знакомого, и не понижало интереса к его личности. Как новой, так и старой.

Разошлись они за полночь. Дэвида первым настигла усталость, и он спросил, где ему можно разместиться. Дом инспектора располагал лишним количеством комнат, которые никак не шли в использование. В основном теми были несколько скромно обставленных гостевых спален. Что-то подсказывало, что гостей здесь никогда и не было.

Из пары представленных комнат Дэвид выбрал ту, где был письменный стол. Правда пока не знал, понадобится ли тот ему, но отказываться от возможности не стал. Постельное бельё было чистым, но пыльным, как и любая поверхность в спальне. Его это не смутило. И разве могло ли? Прошлой его комнатой была тюремная камера, так что сейчас он ощущал себя вознесённым на небеса.

Наш герой не знал, в каких благодарностях ему рассыпаться перед мужчиной. Счётчик его действий не переставал крутиться, а он словно этого и не замечал. Все его жесты заботы были брошены вскользь, он предоставлял возможность, а пользоваться ей или нет – оставалось волей другого человека. Он не предлагал ему довериться. По крайней мере не произносил этого в слух. Но даже без словесных вопросов и подтверждений Дэвид ему доверял.

Однако когда он собрался сказать обо всём этом, Грейвза уже не было в комнате. Он остался один с пляшущим огоньком настольной лампы, причудливыми тенями и печалящим чувством упущения. Пока что тени его не пугали, а невысказанные слова постепенно отошли на второй план. Его наконец ждало сонное забвение, пусть и овеянное поднявшейся с кровати пылью.

***

- Такого сюрприза я от тебя не ожидал.

Взгляд мужчины оторвался от догорающих палений. В постепенно приглушающимся свете огня он казался старше своих лет. Теперь кофе сменился бокалом виски, а форма – домашней свободной рубахой.

Он посмотрел на папку на коленях Эдмона.

- Не думал, что это тебя сможет впечатлить.

- Это – нет. А вот наш новый знакомый… - он отложил папку на стол.

- Вы с ним поладили, как я заметил.

- Нам есть, в чём друг другу позавидовать.

- Да уж. Как две стороны одной монеты. – мужчина потянулся за графином. Ворон неодобрительно каркнул со спинки кресла.

- Последний, последний…

- Как бы у тебя тоже память не отшибло. По более очевидным причинам. – усмехнулся Эдмон. Не без упрёка.

- Горевать не буду. – мужчина выпил не так много, и всё же налил меньше, чем планировал изначально.

На некоторое время они замолчали. Ворон очищал перья, Эдмон теребил пуговицы на рукаве рубашки, Грейвз смотрел на оставшееся содержимое графина.

- Что, по-твоему, стало причиной потерей памяти?

- Он вышел из реки. – не отрываясь от пуговицы подал голос Эдмон. – Вода унесла его воспоминания.

- Я серьёзно.

- Я тоже. – он с улыбкой поднял взгляд. – Возможных причин много, Алистер. А ты требуешь ежеминутного решения. Не переоценивай ни мои, ни свои возможности.

- Ища ответы, он может найти и проблемы. – содержимое бокала так и оставалось не тронутым. – Я придерживаюсь такого мнения. Можно сказать, я в этом уверен.

- Профессиональная чуйка?

- Как тебе угодно.

- Ну, раз таково мнение инспектора…- мужчина не любил своё звание, и Эдмон это знал. Поэтому смягчил раздражённый взгляд улыбкой. – Я присмотрю за ним.

- Я не хотел обращаться к тебе с просьбой.

- Знаю. Но это моя личная заинтересованность, поэтому можешь не переживать.

- И чем же она обусловлена? – бокал всё же опустел. Ворон наклонился и дёрнул торчащую прядь тёмных волос. – Да всё, всё!

Эдмон задумался над вопросом. Возможно, он и сам до конца не понимал, как может учувствовать во всём этом деле. Он не полицейский. Совершенно простой человек, пусть и наделённый тем, чего наш герой лишился. До этого дня они не были знакомы – это он помнил точно, как и то, что не видел этого человека ни в каких других сводках.

- Мне просто интересно. Должен же я как-то коротать время в твоё отсутствие. – снова повисшее молчание. – А ещё ему нужен друг.

Глава 6. Отголоски во сне

Взмах руки со свистом рассёк воздух. Через секунду предплечье обожгло ударом чего-то тонкого, но крепкого. Подступившие слёзы смазали картину окружения, а место удара продолжало полыхать яростной болью. Ещё несколько и они наверняка дойдут до кости. Он это чувствовал, был в этом уверен.

Он был в просторной комнате, какие бывают в старинных имениях. Небольшим настенным светильникам, даже по паре на каждую стену, было непосильно развеять темноту. Она властвовала над этим домом, въелась в его стены, предметы. Стала неотъемлемым компонентом воздуха, придавая ему густоту и тяжесть.

Дышать здесь было трудно, почти невозможно. Он всегда ощущал, как задыхается здесь, и поэтому стремился наружу. Но вылазки на улицу никогда не поощрялись. А ведь он отошёл совсем не далеко – к деревьям за домом, за которыми начинался лес. Он в него не заходил, сидел на виду, рисовал в блокноте. Сейчас того при нём не было, а на его обугленных останках едва ли возможно что-то нарисовать.

Снова свист. Удар. На один ближе к костям. На этот раз он с трудом подавил всхлип.

- Милый мой, ты знаешь, как мне каждый раз больно на тебя смотреть.

Женский голос отражался эхом от стен, гуляя по комнате, подобно призраку. Голос, от которого всё внутри разрывалось и леденело, хотелось броситься к нему в объятия и в то же время убежать обратно к лесу. На этот раз в его глубь, дальше, дальше…

- Я на тебя никогда не подниму руку, милый. Но твои поступки иногда просто нельзя оставить без внимания. Это каждый раз так меня расстраивает.

Голос был полон сожаления, даже слёз. Он их не видел, но слышал. Он в целом почти ничего не видел – ни лица женщины, ни мужчины, возвышающегося над ним с чем-то в руках, что из раза в раз оповещало свистом новую волну боли. Он видел смутно их фигуры, но рассмотреть не мог.

Свист. Удар. Он заскулил и зажмурился. Новый удар последовал незамедлительно – в ответ на его звук. Он ощутил привкус крови на губах.

Ещё не открыв глаза его заключили в объятия. Женские, любящие. Он потянулся к ним, сдавленно всхлипывая, желая утешения. Ладонь приглаживала волосы на макушке, другая подхватила под попу и его без труда подняли на руки. Он спрятал лицо в женском плече, оставляя на ткани влажные пятна. Её мягкость успокаивала, а ещё слабый цветочный аромат, каким всегда были полны её объятия. Если подышать им немного дольше, можно разобрать отдельные нотки конкретных цветов.

- Обещай, что будешь слушаться, милый. Пообещай, прошу. Я не хочу смотреть каждый раз на твои слёзы.

Из него рвались слова подтверждения: *да, он больше не ослушается, он больше никогда её не огорчит, он будет послушным!*

Он отпрянул от плеча и набрал воздуха, чтобы произнести эту клятву вслух. Но перед ним никого не оказалась. Ни женщины, ни мужчины.

Дэвид смотрел в потолок, на тонкую полосу лунного света, проскользнувшую сквозь щель шторы. Он был в доме Грейвза. Слышал своё шумное дыхание, а облизнув пересохшие губы ощутил слабый металлический привкус.

Но рука не болела. Пальцы сами потянулись к нужному месту, провели по всей длине полос. Он ничего не ощутил, но сон уже к нему вернулся не сразу. Его прогоняли волнующие образы и вопросы, накапливающиеся один за другим.

Уснуть удалось в утренней синеве улицы. В этот раз образы его не побеспокоили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.